

ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

Жизнь и смена (прил. к Св. культуре) - 1990 - 26 апр. (№17) - с. 14

Что происходит сегодня с нашим детским театром? Какое будущее ждет его? Сегодня эти вопросы звучат часто, и в них неизменно присутствует тревожная нота.

Первый фестиваль театров Урала и Сибири для детей и юношества, завершившийся недавно в Свердловске, сумел, на мой взгляд, если и не ответить на эти вопросы, то все-таки обозначить расстановку сил и основные тенденции происходящего.

Почти два десятка спектаклей уральских и сибирских тюзов — эта картина была на редкость пестрой.

Во время очередной штампованной «тюзятины» я мысленно соглашалась с теми, кто утверждает: наш детский театр действительно мертв. Тот самый — указующий, поучающий, чьи догмы и предрассудки мы так старательно лелеяли десятилетиями. И смерть эта уже даже не клиническая, а «социальная» (услышанный где-то недавно медико-юридический термин, фиксирующий момент, после которого реанимация становится бессмысленной: тело оживить еще можно, но вот разум уже угас навсегда). А ведь в театре таких «оживших мертвецов» еще хватает: музыка играет, декорации меняются, актеры стараются, но смысла в том нет...

Да, «старый детский театр умер», слишком уж очевидной была в Свердловске полная исчерпанность, бесплодность его идей и форм. Но вместе с тем кое-что из показанного в той же столице Урала дает мне надежду на то, что в не очень далеком будущем мы сможем воскликнуть: «Да здравствует театр!». Новый детский театр.

Каким он будет, сейчас еще загадывать невозможно — слишком разнились по стилю, форме, творческим идеям лидеры свердловского фестиваля. Но при всей несхожести удачных спектаклей у них есть и нечто общее: прежде всего попытка совершенно иного, на других дрожжах замешанного контакта с залом.

Многие из приехавших в Свердловск коллективов искали его в атмосфере камерности малой сцены, «театра в фойе». Такая постановка могла принять форму лихого балаганного фарса, выплеснувшегося прямо в переполненный зрительными фойе, как это сделал в Омском тюзе В. Рубанов («Укрощение строптивой» Шекспира), а могла обернуться мудрым, удивительно стильным и изысканным, как старинная шкатулка, спектаклем «Кандид» Пермского тюза (режиссер М. Скоморохов). В старинном зале Свердловского дома актера из-под рук музыкантов в камзолах и пудренных париках лилась музыка Генделя, Гайдна и Моцарта, мерцали свечи, а сам Вольтер — нет, не историческая личность, а, скорее, легенда о нем: лукавый старик со знаменитой скульптуры, безбожник, скептик и умница (блестящая работа В. Шульги) — он спускался к нам с пьестамента и начинал рассказ о грустной судьбе своего юного оптимиста...

«Кандид» был уже изначально ориентирован на другой — не традиционно тюзовский по составу зал. Безусловно, смешанный, где бы рядом сидели подростки и их родители, люди разных поколений. В спектакле

заложена возможность разных уровней восприятия, где каждый возраст мог бы «снять» свой собственный смысловой слой, — и уже само это побуждало бы к последующему их диалогу.

Выбирая к постановке мировую классику (здесь Вольтер, в других театрах — Л. Керролл, Л. Андреев, М. Булгаков и т. д.), театр рассчитывает на зрителя пусть юного, но культурного, начитанного, умного, для которого имена эти не пустой звук. И вот тут-то начинаются проблемы. Потому что в сегодняшний тюз детей до сих пор водят всех подряд и преимущественно строем. Потому что стойкое восприятие многими (особенно школьными педагогами) театрального спектакля как массового мероприятия, ликбеза и помощника в воспитании способно погубить в зародыше все

ростки нового. Смешно гнаться в театре за массовостью и общедоступностью. Дешево — покупать успех, подстраиваясь под уровень и вкусы массового зрителя-подростка (как сделал это одаренный молодой режиссер Д. Астрахан, введя в свой интересный спектакль «Удалой молодец — гор-

кажется, нащупывают студенты Свердловского театрального института — питомцы главрежа местного тюза С. Лосева. Его спектакль «Начало», сыгранный студентами в маленьком фойе театра при минимуме реквизита, но насыщенный тонкими наблюдениями за особенностями детской психологии малыши-второклашки смотрели с увлечением, принимая как должное все условности театрального языка.

Вообще о Свердловском тюзе хочется сказать здесь особо. И не только потому, что свердловчане были организаторами (вместе с СТД РСФСР) и гостеприимными, заботливыми хозяевами фестиваля. Сегодня этот театр на подъеме. В нем сложилась редкая, но очень плодотворная в творческом отношении ситуация: бок о бок тут работают два талантливых режиссера — главный С. Лосев и очередной А. Праудин. Люди разных поколений, разных творческих манер, взглядов, пристрастий, они не только не мешают, но напротив — успешно дополняют друг друга, вместе создавая особый художественный мир Свердловского тюза.

Опытный Семен Лосев, похоже, больше тяготеет к камерному жанру. Об этом свидетельствуют и «Начало», и идущая на малой сцене «Интердевочка» (по единодушному признанию собравшихся в Свердловске критиков, спектакль Лосева на сегодня — самая удачная интерпретация популярной повести).

Совсем еще молодой Анатолий Праудин, несколько лет назад перебравший сюда из Риги, почти полная ему противоположность. Его оригинальный талант привольно чувствует себя даже на огромных пространствах на редкость неудобной сцене тюза. Его трагический «Иуда Искариот» Л. Андреева, показанный года два назад в Москве, уже успел стать своего рода театральной легендой. Этот суровый, мощный спектакль с двумя прекрасными актерскими работами — В. Кабалина (Иуда) и В. Сизова (Иисус) — захватывает с первых минут. Так же, как и премьерная «Алиса в Зазеркалье», из которой, по-бараочному изобретательная фантазия молодого режиссера создала фантазмагорическое театральное действо, где «правят бал» жутковатые и смешные существа, пришедшие из тревожных детских снов...

Фестиваль в Свердловске завершился. И оставил ощущение, что в нашем детском театре что-то уже очень скоро должно произойти.

Впереди новый взлет?

Екатерина ОСПИННИКОВА.
(Спец. корр. «ЭС»).

СВЕРДЛОВСК — МОСКВА.